

Нам нужна история советского языкознания (Обзор-рецензия на книгу В.Н. Базылева)

Проанализированы основные положения книги, которая содержит принципиально новые факты из летописи отечественной лингвистики второй половины XX в. Работа состоит из двух частей — авторского очерка по истории языкознания указанного периода и антологии научных и публицистических текстов, воспоминаний, бесед и хроникальных заметок, освещающих наиболее яркие и спорные эпизоды филологической науки того времени. Книга является учебным пособием по курсу «История языкознания XX века» и предназначена для студентов-лингвистов, а также философов, психологов, журналистов, социологов, историков и представителей других гуманитарных направлений в качестве дополнительного дидактического материала.

Ключевые слова: история языкознания, философия и идеология в науке, марксизм и проблемы лингвистики, филологическая мемуаристика.

DOI 10.20339/PhS.5-20.125

История советского языкознания пока не написана: еще много невыясненных фактов и обстоятельств, противоречивых свидетельств из жизни науки XX столетия остаются в тени. Большая работа в этом направлении ведется с конца 1980-х гг.: В.М. Алпатов и Ф.Д. Ашнин плодотворно занимались публикациями и анализом трагических историй «Дела славистов», М.Ю. Досталь и А.М. Робинсон не раз издавали письма и труды славистов, обращаясь к малоизвестным фактам первых десятилетий XX в. Была издана хрестоматия «Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания: Антология» (М., 2001), приоткрывшая неизвестную для многих исследователей эпоху торжества идей марксизма. Большим событием в науке стали материалы, приуроченные к юбилеям талантливых отечественных лингвистов Д.Н. Ушакова, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, С.И. Ожегова, Р.И. Аванесова, А.А. Реформатского, А.А. Шахматова, Р.О. Якобсона и др. Спустя десятилетия вышли в свет труды и письма Н.С. Трубецкого, Н.Н. Дурново, А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова и других лингвистов. В конце 1990-х стали появляться новые учебные пособия, посвященные обзору и анализу некоторых направлений мирового языкознания, включая российское. Так, Т.А. Амирова опубликовала книгу «Из истории лингвистики XX века: структурно-функциональное языкознание (истоки, направления, школы)» (М., 1999). Большой интерес в научной среде вызвало появление воспоминаний и дневниковых записей крупнейшего слависта XX в. С.Б. Бернштейна «Зигзаги памяти» (М., 2002). Значительный вклад в историографию этой дисциплины

The review analyzes the main points of the book, which contains fundamental and new facts from the chronicle of Russian linguistics of the XX century. The study consists of two parts: an author's essay on the history of linguistics of the mentioned period and an anthology of scientific and journalistic texts, memoirs, conversations and chronicle notes covering the most striking and controversial episodes from the annals of philological science of that time. The book is a textbook for the course "The History of linguistics of the XXth century" and intended for students-linguists, and also philosophers, psychologists, journalists, sociologists, historians and other humanities as an additional didactic material.

Keywords: history of linguistics, philosophy and ideology in science, Marxism and problems of linguistics, philological memoirs.

Базылев В.Н.

...В борьбе за советскую лингвистику: Очерк-антология. М.: Изд-во СГУ, 2014. 380 с.

Bazylev V.N.

...V bor'be za sovetskuiu lingvistiku: Ocherk-antologiya. Moscow, Izdatel'stvo SGU, 2014. 380 s

ISBN 978-5-8323-0949-1

внесли сборники статей и документов «Отцы и дети Московской лингвистической школы: памяти В.Н. Сидорова» (М., 2004) и «Из истории московской лингвистики» (М., 2016). Таким образом, исследовательская литература к началу XXI в. накопила уже солидный багаж для создания объемной и, хотелось бы надеяться, объективной истории советского языкознания.

Очерк-антология В.Н. Базылева «...В борьбе за советскую лингвистику» продолжает серию подобных публикаций и впервые в контексте осмысления историографии и философии науки второй половины XX в. дает обзор полемики, дискуссий 1950–1990-х гг. Книга состоит из двух частей — авторского монографического очерка «Борьба мнений и свобода критики — закон развития передовой науки» (С. 18–123)¹ и антологии текстов, содержащей отрывки из теоретических работ известных советских лингвистов, журнальные и газетные публикации, мемуары и хроники того времени (С. 124–379).

Первая часть — интересное, богатое фактами, почти философское размышление В.Н. Базылева об эпистемологии лингвистики указанного периода, основанное на большом количестве документальных и мемуарных публикаций, собранных и проанализированных автором. В начале очерка сделан обзор источников, на основании которых ученый представляет четыре основных направления изучения советского языкознания: энциклопедическое, очерковедческое, персоналогическое и последнее — «создание обобщающих работ по истории языкознания в определенный хронологический период в свете осмысления временного среза в развитии лингвистической мысли с точки зрения определенной идеологической, философской или общеметодологической позиции автора» (С. 10–11). В «Предисловии» В.Н. Базылев пишет: «Наша книга — это описание путей, которыми отечественная наука о языке приобрела на сегодняшний день свое достояние. Она может объяснить нам то, чем мы владеем и что можем ожидать от науки, а также не только привести на память тот запас, который мы имеем, но и научить нас, как его увеличить и улучшить» (С. 16).

В ходе анализа В.Н. Базылев не упускает из вида и так называемый «человеческий фактор» — мировоззрение участников дискуссий, обоснованно говорит о важности освещения роли личности в истории. На чем же он делает ключевые акценты? Прежде всего на столкновении часто противоположных мнений представителей разных лагерей лингвистов. Затем — на социальном статусе нашей науки и ее создателей. Через всю книгу проходит линия «лингвистической обороны»: вначале от сталинских репрессий, а позднее от партийного давления и влияния отдельных деятелей официальной науки на идеологический вектор ее развития (пресловутая «борьба за чистоту кадров»). Автор книги рассказывает о том, «какой был микросоциальный климат в этой отрасли...» (С. 16). Таким образом, летопись языкознания не отрывается от исторического хода событий и включается в парадигму общественно-политических изменений.

Немало место в очерке отведено сталинской дискуссии о языке как определенному культурному контексту эпохи. В.Н. Базылев обоснованно пишет:

«Гениальные труды» не содержали, конечно, ничего гениального, но там были вполне здравые мысли, в частности разоблачалось положение о языке как элементе надстройки над базисом. Было «реабилитировано» сравнительно-историческое языкознание, и многие крупные ученые, подвергавшиеся нападкам за непризнание «нового учения о языке», вздохнули свободно (С. 20).

Автор книги показывает неоднозначность того времени: крушение марризма, попытка создать новое «диалектико-материалистическое языкознание», пропаганда истин отвергнутой ранее лингвистики — и все происходило во многом под «гипнозом» или опасением перед очередным витком похода за разоблачениями. Показательно в этом смысле приведенное воспоминание А.Ф. Лосева: «Я вынес весь сталинизм, с первой секунды до последней на своих плечах. Каждую лекцию начинал и кончал цитатами о Сталине <...>. Участвовал в кружках, общественником был, агитировал. Все за Марра — и я за Марра. А потом осуждал

¹ Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемого издания.

марризм, а то не останешься профессором. Конечно, с точки зрения мировой истории, что такое профессор. Но я думал, что если в концлагерь, то я буду еще меньше иметь...» (С. 27).

После ознакомления с данной частью книги нам показалось целесообразным представить историю советского языкознания не только в традиционном изложении, а так, как это делает профессор В.Н. Базылев, погружая читателя в мир духовных переживаний и прозрений лучших умов того времени. При этом подходе мы видим эпоху не с парадного подъезда, а изнутри. Она отражается в их интонациях, иронии, страхах, откровенных признаниях — именно так, а не по-академически статично представлена вторая половина XX в. на страницах рецензируемой книги.

В исследовании В.Н. Базылева представлено столько фактов и иллюстраций «атмосферных явлений» лингвистической науки, что даже фрагментарный их обзор говорит о неоднозначности оценок событий второй половины XX в. Например показательна изложенная ученый история самого свободолюбивого отделения (кафедры) теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Там разрабатывались новые стратегии гуманитарного знания: решалась задача машинного перевода, создавались и апробировались «формальные модели» и теории, способные освободить нашу лингвистику от идеологических догм, включить ее в мировой культурный процесс. И все это происходило на фоне в целом недружественной политики и обвинений в «пропаганде буржуазной лингвистики», участия преподавателей в диссидентском движении. В итоге, как пишет Базылев, эта неблагонадежная кафедра была ликвидирована в 1982 г. (С. 31). Шлейф «контрабандистов в языкознании» и вязкие ярлыки 1930–1950-х гг. тормозили развитие свежих независимых идей, добавляя, впрочем, интересные, почти художественные сюжеты в копилку истории советской науки. Вот один из них.

Корифей филологической науки Роман Осипович Якобсон впервые после более чем тридцатилетнего отсутствия приехал из США на родину и должен был встретиться со студентами Московского университета. В одной из аудиторий филфака профессор О.С. Ахманова представляла его слушателям:

– С лекцией о проблемах современной лингвистики выступит известный американский ученый господин Джекобсон.

Видимо, Ольга Сергеевна все еще трепетала от страха (это был 1958 г. — *О.Н.*): ведь старый приятель Маяковского был эмигрантом и не раз высказывался «из-за бугра» по различным отечественным адресам.

Якобсон поднялся на кафедру, помедлил минуту, а потом задумчиво произнес:

– Вообще-то я Роман Осипович Якобсон. Но моя американская кухарка обычно называет меня мистер Джекобсон (Цит. по: С. 54).

Мемуары известных лингвистов, приводимые в книге, показывают острые моменты идеологических трений внутри филологической науки. В более или менее спокойные 1960–1980-е гг. встают из пепла истории — те самые «глашатаи», которые пытались уничтожить Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, клеветали на Е.Д. Поливанова, клеймили «безродных космополитов». Показательны эпизоды, характеризующие реакцию лингвистов от власти на поддержку филологической интеллигенцией Синяевского и Даниэля, на выступления некоторых ученых против неоднозначных политических решений советского государства... «Никаких открытых протестов внутри институтов после 25 августа 1968 года просто не было. А.А. Реформатский, вынужденный обстоятельствами выступить в связи с вторжением в Чехословакию, сумел построить свою речь вокруг цитаты из Блока “Век девятнадцатый, железный...” и ничего не сказать по существу. И мы поставили это ему в заслугу: он сумел прикрыть нас, молодых сотрудников, которым просто посреди стихотворной строки заткнули бы рот» (Цит. по: С. 56). Автор книги открыто и без академического глянца, опираясь на воспоминания старших коллег, говорит о роли Ф.П. Филина и его приближенных в преследовании талантливых лингвистов Ю.Д. Апресяна, Л.Н. Булатовой, Л.Л. Касаткина,

И.А. Мельчука, Э.И. Хан-Пиры и др. «С таким багажом советская лингвистика вступила в эпоху 70-х» (С. 65), — сочувственно пишет автор и тут же приводит высказывание подлинного классика А.Ф. Лосева, выстрадавшего свою науку на нарах и в гонениях: «Пятьдесят лет людям не давали заниматься филологией, так теперь много можно найти интересующихся?» (Там же).

Примерно в 1960–1970-е гг. у нас случился, по выражению М.О. Чудаковой, «обвал поколений»: ушли классики (В.В. Виноградов, В.Я. Пропп, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад). Осиротели целые направления при внешнем пафосно-торжествующем тоне отчетов и достижений. Последние, конечно, были в научно-технической сфере, а вот престижность филологии немного упала. В.Н. Базылев пишет: «...за обрывом традиции последовал кризис идей» (С. 81).

К 1980-м гг. сложилась весьма неоднозначная ситуация в гуманитарной науке в целом. Управленческий застой и работа по плану не могли обеспечить рывок в лингвистике, в которой по-прежнему было много запретных тем. О «Деле славистов» мы узнали только в 1990-е. Тогда же стали подниматься из небытия фигуры Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, публиковались письма В.В. Виноградова и многое другое. По справедливому выражению автора, «основная проблема, с которой столкнулось сообщество лингвистов 80-х, — общественная ценность качества научного результата и поиск ответа на вопрос: какое научное достижение является действительно значимым? Тогдашнее научное сообщество демонстрировало черты частичной закрытости и нетолерантности к новым идеям» (С. 80). Из-за этого происходило торможение и, как грустно и иронично высказался А.Ф. Лосев, «постепенно советская наука и становилась провинциальной» (С. 86).

Предстоит еще глубоко изучить внешние факторы, при которых существовала наша наука в 1990-е, собрать документы и материалы дискуссий того трагического времени, когда финансирование отдельных «неперспективных» отраслей знания сократилось до предела. Но и сейчас очевидно, и мы солидарны в этом с автором рецензируемой книги, что «позиции глобальной сверхдержавы постсоветская наука утратила» (С. 86). Кроме того, нарушились крепкие связи академических учреждений с вузами. По сути, науку делали лишь несколько крупных центров: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, закрытые наукограды... Рухнувшие границы, с другой стороны, дали возможность более тесных контактов с зарубежными учеными, но дома было очень беспокойно. Уходила в никуда старая идеология, а новая не сулила гуманитариям ничего хорошего. И все же открытость общества в 1990-е приносила положительные результаты: стали доступны архивы, появились ретropубликации и грамотные работы по историографии лингвистики. Эта область филологической науки пришла в движение. Вновь стали популярны работы А.М. Селищева и М.М. Бахтина, а некогда гонимые И.А. Мельчук и Ю.Д. Апресян наконец-то «взяли реванш» (по устному замечанию Н.Ю. Шведовой в беседе с автором этой рецензии) и возродили угасшее структуралистское движение в некогда главном рупоре советской лингвистики — журнале «Вопросы языкознания».

Скажем несколько слов и о второй части книги — антологии «В борьбе за советскую лингвистику». Она состоит из шести разделов.

Первый «Чему нас учит история науки о языке» содержит републикации работ Р.А. Будагова, В.А. Звегинцева, В.М. Жирмунского, Ю.Д. Дешериева, А.Т. Кривоносова, во многом отвечающие со скидкой на то время на вопрос, поставленный в подзаголовке этого раздела. Читатель самостоятельно проникает в мир флагманов советского языкознания, узнает, что происходило тогда с нашей наукой, знакомится с «жизнью во мгле и в борьбе» (Ю.Д. Дешериев) и становится наблюдателем крушения мифов...

Второй раздел «50-е. Марксизм и вопросы языкознания» рассказывает о шумной дискуссии сталинского времени, в которой принимали участие ведущие лингвисты страны: А.С. Чикобава, И.К. Кузыкян и др. Кроме статей участников тех событий, В.Н. Базылев поместил два интересных документа: юбилейную публикацию в «Вопросах языкознания», приуроченную к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и «Решение Совета филологического факультета МГУ от 24.XII.1958 года».

Третий раздел «60-е. Советское языкознание на подъеме» содержит статьи В.В. Виноградова «О преодолении последствий культа личности в советском языкознании», Н.И. Конрада «О перспективах развития советского языкознания», А.К. Югова «Эпоха и языковой “пятачок”», фрагмент книги Э. Сवादоста «Как возникает всеобщий язык?», работу «Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет» и «Письмо В.А. Лисицкого заведующему отделом науки и учебных заведений Центрального комитета КПСС тов. С.П. Трапезникову».

Четвертый раздел «70-е. Обвал поколений» включает в себя три показательных материала: статьи Ф.М. Березина «Советскому языкознанию — 60 лет» и Б.А. Серебренникова «О материалистическом подходе к явлениям языка» и обзор «Структурализм: “за” и “против”».

Пятый раздел «80-е. Обрыв традиции» иллюстрирует процессы в науке того времени, показывает влияние партийной номенклатуры на решение кадровых вопросов, содержит полемические статьи и заметки В.П. Григорьева, Ю.В. Казарина, Ю.А. Сорокина и И.Ю. Морковиной, работу А.П. Юдакина «Остепененная монополия».

Шестой раздел «90-е. Кризис идей» описывает проблемы российского языкознания глазами участников международного съезда славистов и конгресса лингвистов. Автор книги поместил также воспоминания С.Ю. Неклюдова о Тартуско-московской семиотической школе, статьи Е.М. Брайдо «Между старым и новым», М.Б. Хапаевой «Каникулы языка», В.А. Шкуратова «Наррадигма и бельсайнтистика».

В заключительном, восьмом, разделе книги «2000-е. Догорает эпоха» опубликованы мемуарные и публицистические материалы о капутниках на Волхонке, о так и несостоявшемся проекте издания «Словаря языка В.И. Ленина» и другие живые дискуссионные статьи и заметки о бурном всплеске компроматов в науке и борьбе за подлинные ученые ценности.

Это собрание (антология), в чем-то по-авторски выборочное, но тем и интересное не тривиальностью и даже смелостью В.Н. Базылева в воскрешении еще не до конца забытых «сюжетов», пополнит копилку наших знаний о противоречивом времени второй половины XX столетия и подвигнет кого-то из нас на составление полноценной хрестоматии по историографии лингвистики тех лет.

Работа В.Н. Базылева — и это главное — привлекает своей полемичностью и не навязывает авторского мнения. В ней представлены разные точки зрения на ход развития науки и показаны противоположные взгляды ученых. Автор призывает читателя к глубине и объективности знания, говорит о необъятных возможностях историографии лингвистики, ее высокой ценностной планке.

Размышления о времени и людях, о философии истории написаны эмоционально, чувствуется, что автор неравнодушен к описываемым событиям. «К сожалению, — пишет Базылев, — в отечественной науке о языке были и остаются непопулярными попытки проследить собственные истоки — не в смысле перечня великих имен и отсылок типа “еще Выготский... Бахтин... Тынянов” и т.п. Но несомненно, что мы не привыкли изучать сложные процессы рецепции идей, высказанных нашими знаменитыми предшественниками — неважно, Выготским, Якобсоном или Лотманом. Конечно, классическое наследие продолжает потихонечку развиваться и дорабатываться, но теперь по отношению к нему проявляется некий синдром усталости, как скажет У. Эко» (С. 109).

Книга профессора В.Н. Базылева подводит некоторый итог дискуссиям 1980–1990-х гг. о «кризисе лингвистики», о борьбе между «старым и новым», которые начали переоценку событий и фактов в языковедческой науке второй половины XX столетия. Но это и отклик на научные исследования и архивные публикации первых двух десятилетий XXI в., показавших, выражаясь словами Ю.М. Лотмана, культурные взрывы внутри самой науки, переживавшей непростые времена. Нам понятен диалогический характер книги В.Н. Базылева, призывающего читателей быть летописцами новой эпохи.

Какой же вывод мы можем сделать из прочитанного? История советского языкознания еще не написана, но создана внушительная источниковедческая база для осмысления и корректной трактовки многих фактов различных отраслей лингвистики: от традиционной

русистики до востоковедения. Она пополняется и в наши дни не только архивными материалами, но и воспоминаниями, заметками и письмами участников и свидетелей тех лет. Значит, интерес к воссозданию летописи языкознания XX столетия не угасает.

Исследование В.Н. Базылева убедило нас в том, что для воскрешения исторической памяти в науке важны многие детали. Биография лингвистики XX в. полемична и противоречива. Нынешним и будущим исследователям этой темы важно сохранить разумный баланс между тем филологическим капиталом, который был накоплен в советский период («старым»), и непредвзятой оценкой прошлого с высоты достижений современной науки («новым»). Риторика нигилизма, присутствовавшая в дискуссиях конца XX столетия, попытка «подмять» все только под идеологический фактор, отрицание достижений советской науки в то время, к счастью, постепенно сошли со страниц журналов и книг. Освободившееся пространство необходимо заполнить достоверными фактами и рассказать правдиво о тех, кто творил науку в советскую эпоху. И тогда история лингвистики XX в. будет документальна и позволит увидеть всю панораму событий незабвенного века лингвистических надежд и крушений.

Никитин Олег Викторович,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры истории русского языка
и общего языкознания
Московского государственного областного
университета

Nikitin Oleg V.,

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of History of
Russian and General Linguistics,
Moscow Region State University

e-mail: olnikitin@yandex.ru

